

Евгений
Никитин

ПРО © ПАПУ

антироман

С рисунками
Александра Рытова

Евгений Никитин

Про папу. Антироман

ИП «Центр современной литературы»

Никитин Е.

Про папу. Антироман / Е. Никитин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-219-2

Своими предшественниками Евгений Никитин считает Довлатова, Чапека, Аверченко. По его словам, он не претендует на великую прозу, а хочет радовать людей. «Русский Гулливер» обозначил его текст как «антироман», поскольку, на наш взгляд, общность интонации, героев, последовательная смена экспозиций, иронических и трагических сцен, превращает книгу из сборника рассказов в нечто большее. Книга читается легко, но заставляет читателя улыбнуться и задуматься, что по нынешним временам уже немало.

Книга оформлена рисунками московского поэта и художника Александра Рытова. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-91627-219-2

© Никитин Е.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Столица	6
Как я делал предложение	7
Капитализм	9
Медицина	10
Бэби-бум1	11
Вверх и вниз	15
Мушкетёры	17
Жизнь и смерть	19
Король солнца	24
Гриша	27
Марина	29
Переезды	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Никитин

Про папу антироман

От автора

Папа – постоянный персонаж моих историй.

Я так много написал об отце, что моя жена считает, будто все мои тексты на самом деле о нём.

Это не так. Мне есть, о чём рассказать. Я пережил две эмиграции. В этой книге много сказано про моё детство в Молдавии, эмиграцию в Германию, жизнь в Москве и про моих друзей-поэтов.

Но я назвал книгу «Про папу». Я не хочу его разочаровывать.

Бывает, звоню ему, а он сразу спрашивает:

– Написал что-нибудь новенькое?

– Написал.

Грустный вздох.

– Опять выставил меня дураком?

– Это не про тебя.

– А про кого?

– Это про мальчика Юрку. Жил да был такой мальчик Юрка, значит. И у этого мальчика есть папа...

– Ну вот.

– Что «ну вот»?

– Опять про меня.

– Это не про тебя. Ты толстый. А он худой.

– Я тоже раньше был худой, – с недоверием говорит папа.

– Но ты – москвич. А отец Юрки живёт в Кишинёве.

– Я тоже жил в Кишинёве.

– Но у тебя никогда не было обезьянки.

– А что, у героя рассказа есть обезьянка?

– Есть.

– Ну пришли почитать.

Я шлю папе рассказ, и через час опять раздаётся звонок. Оказывается, кроме обезьянки, никаких различий между двумя папами нет, и я снова выставил своего отца дураком. Так он считает.

Иногда он спрашивает мою жену:

– Вот скажи, неужели я действительно такой глупый?

– Нет, – отвечает жена. – Вы очень умный человек. Это сын у вас – идиот.

Мне кажется, она неправа. Я тоже кое-что соображаю.

Однажды я придумал историю, в которой вообще не было ничьих пап. Там фигурировали только бегемотик, древний китайский колдун Чань-фу и пузырь самогона. Но что-то меня беспокоило. На месте папы в тексте ощущался вакуум.

Долгое время все убеждали меня написать роман. Но я ненавижу романы. Эта книга – антироман. Она – не результат письма, а процесс. Я продолжаю писать ее каждый день.

Но не я поставлю в ней последнюю точку.

Часть первая

Столица

Во времена моего детства ближайшим мегаполисом был город Бельцы.

«Рая уехала в Бельцы», – произносили со значением. «В Бельцы! Что вы говорите!» На лицах отражалось величие происходящего. Многие прощались с Раей навсегда: автобус до Бельц шёл битый час, и люди в нём тряслись, многим становилось дурно. Из Бельц привозили часы, авторучки, блокноты, батарейки; мой дед иногда наведывался в Бельцы за свечами для Хануки и мацой на Песах. Он возвращался, как Одиссей, умудрённый опытом, неузнаваемый.

– Знаешь, кого я встретил?

– Кого?

– Раю.

– Как? Раю?

– Раю.

– И что она сказала?

– Она сказала: «Привет».

– Привет?

– Привет.

– Рая?

– Рая.

– В Бельцах?

– В Бельцах.

– Что она себе думает, эта Рая? Я не понимаю: что она себе думает?

– Я не знаю, Хануся, что она себе думает. Она всегда была мишигинер коп, эта Рая...

Мой папа однажды был свидетелем подобного диалога и запомнил его на всю жизнь как пример крайней степени бытового абсурда.

О, Бельцы, Бельцы! Конечно, был ещё Кишинёв, но он не брался в расчёт. Он существовал где-то на краю мира, мифический город, что-то вроде рериховской Шамбалы. В Кишинёве бывал Пушкин... Нет, это решительно невозможно себе представить.

– А я жил в Кишинёве, – говорил я во дворе.

– Не надо ля-ля, Никитин. Ты б ещё сказал – в Москве. Ты б ещё сказал – в Нью-Йорке! Давай, дуй отсюда, Никитин. Вали!

Когда внука местного парикмахера Фимы в школе спросили, как называется столица Молдовы, он ответил «Израиль». Это были для него вещи примерно одного порядка. Он сказал это на уроке молдавского языка. *E capitala Republicii Moldova este Israel*. Для него это было так. Фима взял свою маму, бабу Гитлю (во дворе мы звали её Гитлер), дочь, внука, остриг перед отъездом каждого волосатого жителя Рышкан и уехал в Israel, столицу Молдовы.

Как я делал предложение

Наш учитель физкультуры никогда не звал меня иначе как «гнида».

– Гнида, лови мяч! Теперь кидай, гнида! Опять мимо, вот гнида!

Однажды, во времена базарного капитализма, дедушка, пытавшийся тогда продавать рышканцам электронные часы «с музыкой», послал меня за чебуреком. В чебуречной сидел физкультурник. У него был взгляд человека, который изо всех сил пытается, но совершенно не способен опьянеть. Он всегда бывает трезв как стеклышко и ужасно мучается от этого.

Физкультурник сразу меня увидел и через секунду заголосил на всю чебуречную:

– Ах ты, гнида мелкая! В школе он мне глаза мозолит, гнида, так этого ему мало! Ещё сюда припёрся и маячит, гнида... Эй, гнида! Уйди нахуй отсюда! Дай человеку отдохнуть. Пшёл вон!

Я вышел в слезах, отнёс деду чебурек и с тех пор стал прогуливать все уроки физкультуры. Я ходил на озеро и смотрел на воду. И благодаря этому случилась со мной вот такая история.

Как-то в мае я пришёл на озеро, а там сидели две девушки. Одна из моего класса – Надя (я про неё уже писал стихотворение, если кто помнит) и другая, как зовут – забыл.

Надю я безответно любил вот уже много лет – и это несмотря на её открытый, честный антисемитизм. Я всё терпел, начиная с 6 класса. Со мной можно было поступать как угодно. Вторую девушку я знал плохо.

– О, Никитин, – обрадовалась девушка-как-зовут-забыл. —Прогуливаешь?

– Ну да.

– Как это? Подожди. Я думала, Никитин – отличник, – обратилась она к Наде.

– Никитин давно опустил, – ответила Надя Басова. – Будто он и не еврей. Еле учится. Раньше-то да, все носились с ним, как с писаной торбой.

Всё это было полной ерундой. Отличником я никогда не был, учился на четвёрки (по тогдашней молдавской системе это были восьмёрки), и умничал только на литературе. Но это неважно.

– Слушай, Никитин, – сказала девушка-как-зовут-забыл.

– Слушаю.

– Если бы мы тебе сейчас отдались, ты бы нас взял?

Сказать, что я охренел от этого вопроса, значит ничего не сказать. Но я решил на него ответить, и это больно вспоминать.

– Смотря кого. Вот ты, к сожалению, не совсем в моём вкусе.

– А Надя?

– Тут другая проблема. Это ситуация просто невозможна. Этого не может случиться никогда.

Надя молча кивнула, подтверждая, что нет, никогда. И вдруг сказала:

– Он меня за человека не считает.

– Это ты меня за человека не считаешь! – воскликнул я.

Наступило молчание, которое оборвала девушка-как-зовут-забыл.

– А ты Надю – любишь?

– Люблю, – честно ответил я.

На лице у Нади появилось выражение глубокой обиды и презрения. По-видимому, она решила, что я над ней издеваюсь.

– А за что любишь? – спросила девушка-как-зовут-забыл.

– Не знаю... – тупо сказал я. – Глаза красивые.

Через год я уехал в Германию и оттуда позвонил Наде. Я знал её телефон. Собственно, я до сих пор его помню, и могу позвонить хоть сейчас. Но не стану. Хотя чем чёрт не шутит.

– Привет, Надя, – сказал я в телефон.

– Привет, Никитин.

– Слушай, выходи за меня замуж. Давай я тебя увезу в Германию.

– И что мне там делать, в этой Германии?

И тут мир стал свидетелем самого безмозглого ответа, какой можно только себе вообразить:

– Трахаться, – ответил я.

– Ну... Это я и здесь могу, – сухо сказала Надя.

Вот таким я был дебилом.

Капитализм

Каждое утро дедушка, как всякий честный гражданин Рышкан, уходил на базар.

– Хануся, я пошёл на базар. Целуйте нас.

Пенсий хватало только на верёвку, мыло и прощальный ломоть мамалыги. Чтобы купить что-нибудь нужное, надо было продать что-нибудь ненужное, как сказал бы дядя Фёдор. Например, душу.

Так и сообщила всему классу несломленная учительница истории Ольга Васильевна, узнав, что мой дедушка, бывший главный агроном и член партии, перепродаёт с наценкой мелкие бытовые товары, закупленные во время паломничества в Бельцы.

– Никитин, твоя семья продала душу мировому капитализму.

Она запросто могла встретить меня в коридоре и заявить:

– Ты, Никитин, – внук мелкого эксплуататора, дело твоё дрянь. Когда народ снова придёт к власти, с тобой разберутся в первую очередь.

Мы её очень любили: у неё почти отсутствовало чувство юмора, но при этом был острый, как бритва, ум. Весь он, практически без остатка, использовался на борьбу с угнетателями.

Ольга Васильевна постоянно думала о народе. Она была в этом ужасно одинока – большинство учителей тем же летом сами подались на базар: им задолжали зарплату примерно на год.

Торговали, кто чем мог. Я тоже торговал. Я продавал свои диафильмы и книжки. Надо сказать, я не преуспел в эксплуататорстве: мне удалось сбыть только сохранившееся от отчима жизнеописание известной американской проститутки по прозвищу «Мадам» (книга так и называлась). На вырученные деньги я несколько раз купил деду мороженое.

(Между прочим, это пример типичного литературного вранья: разумеется, я не был таким уж заботливым внуком. На самом деле, я в тот же день ходил в местный книжный – а тогда он ещё существовал – и на свои отнятые у народа барыши приобрёл ещё более чудовищную книгу: «У-шу. Стиль тигра».)

Между тем, Ольга Васильевна продолжала свою борьбу: она мужественно распространяла листовки молдавской компартии. Спустя много лет она праздновала триумф: коммунисты действительно пришли к власти. Но за нас так и не взялись: к тому времени дедушка с бабушкой уже жили в Петах-Тикве, а я – в Москве.

Медицина

Моя мама всю жизнь боролась с псориазом. Рышканский криминальный авторитет инвалид Дядя Боря посоветовал ей сыпать на голову сигаретный пепел.

– Я всё лечу пеплом, – сказал он. – Даже шизофрению.

Он отсыпал маме окурков, которые тщательно хранил в мешках, и уполз в туалет. Там он жил.

Жена Дяди Бори, моя тётка, разрешала ему курить в туалете. Дядя Боря сидел там практически круглосуточно, с гитарой и винтовкой. В плохом настроении он грозился начать стрельбу. Но, в основном, Дядя Боря вёл себя тихо, играл на гитаре. Ещё он варил самогон. В Рышканах его боялись, хотя он был маленький, как мастер Йода, и двигался на корточках. Зато Дядя Боря славился мудростью. Самогонные клиенты подчинялись ему беспрекословно.

Мама стала на ночь класть пепел на псориазные шишки. Но это не помогло. Тогда мама съездила в Бельцы, где купила на книжном развале брошюру про уринотерапию.

В брошюре было написано, что от псориаза лучше всего помогает младенческая, либо коровья моча. Я уже не был младенцем. Зато коровы в Рышканах водились в большом количестве. Прямо за нашим домом начиналась так называемая Долина – полузаболоченные луга с речкой. За Долиной жили цыгане.

Мама отправилась на Долину и издалека понаблюдала за коровами. Мы коров боялись. Мы не были настоящие сельские жители, так как жили в квартире. Улица Индепизденций и прилегающие к ней дворы с пятиэтажными домами считались «городом». В коровах мы не разбирались и близко к ним не подходили.

Короче говоря, моя мама не придумала, как безопасно заставить корову пописать ей на голову. Поэтому борьба с псориазом ввиду кризиса идей была отложена до лучших времен.

От псориаза вообще ничего не помогает. Недавно я обсуждал это с прозаиками Вячеславом Харченко и Евгением Сулесом.

– Псориаз хер выведешь, – сказал Харченко. – Тут главное – меньше пить.

– Это почему? – неприятно удивился Сулес.

Тут надо понимать, что Женя Сулес – эксперт по виски. Недавно он написал книгу про виски. Но в ней ни слова нет о связи выпивки с псориазом. Сулес почувствовал, что разверзаются бездны.

– Почему – науке неизвестно, – ответил Харченко. – Знаю только, что стоит выпить — тут-то он, гад, и полезет.

– А какие именно напитки способствуют псориазу?

Слава Харченко задумался.

– Хуже всего – пиво, – сказал он наконец. – Ужасней пива нет ничего.

– А водка? – спросил Сулес.

– А водка – ещё ужаснее.

Сулес не стал спрашивать про виски, чтобы зло, проникающее в реальность таким способом, осталось там, в платоновском мире идей.

Что касается моей мамы, то с ней случилось медицинское чудо. Лет через десять мама прекратила лечить псориаз, и он, видимо, обрадовавшись, прошёл сам собой.

Бэби-бум¹

Я родился в годы «бэби-бума». Везде обитали дети, можно было глаза сломать. Каждый день из окна открывался вид на нескончаемый митинг – везде что-то происходило, крики, толпы детей. Дворы представляли собой небольшие детские государства. Они воевали между собой с утра до вечера. Некоторые дворы делились на территории. И у всех были щенята.

В нашем дворе дети содержали в подвале старую бродячую суку и целую стаю её щенят. В соседнем дворе мы с Олегом тоже выращивали щенят. Существовало даже понятие «кража щенят». Это когда дети из одного двора крадут щенят из другого двора. Все смешалось – дети, собаки, деревянные палки, каштаны. На палках мы дрались, а каштанами бросались.

Раз в день во дворе останавливалась мусорная повозка. Она появлялась точно посередине серии «Богатые тоже плачут», когда взрослые исчезали с городских улиц. Со всей округи к машине устремлялись потоки детей с ведрами. Мусорщик, стоя в кузове машины по колено в отходах, выхватывал ведра из кипящего моря детей и опрокидывал их себе под ноги. В этот момент он был единственным взрослым в радиусе многих километров.

В дальнем дворе, отделённом от нашего шоссе и местной баней, жила девочка Алина. Мальчик Вова с компанией как-то отловил девочку Алину и, пока её держали, приблизился и поцеловал. Потом он убежал обратно в наш двор. Началась война. Три двора, что за баней, объединились против нашего и пришли нас громить. Целью был мальчик Вова. Его следовало привлечь к ответственности.

Олег прибежал ко мне и захлебывающимся голосом прошептал: «Война... Война...» Он хотел, чтобы я вошёл в состав генерального штаба. Штаб находился в подвале, где держали щенят. Подвал был чёрный и пыльный, хоть задохнись. Посередине висела боксёрская груша, со стены смотрел портрет Брюса Ли, а в углу жила собака. «За что воюем?» – спросил я. Олег обрисовал мне ситуацию. Рядом на батарее мальчик Вова виновато шупал кровавый нос. Его уже брали сегодня в плен, но он вырвался и удрал. Я разработал план. Армия состояла из восьми бойцов, двое из которых были девочками, а один – малолеткой. Я не очень-то рассчитывал на них. Олег хотел начинать ответное наступление, но я объяснил, что мы окажемся на уязвимой позиции – во дворе врага, где нас неминуемо поколотят. Следовало разделить и заманить врага к нам. Когда его основные силы будут заняты отловом мальчика Вовы, мы зашлём десант в их тыл и схватим девочку Алину. Зачем нам хватать Алину, я не знал, но в тот момент об этом никто не думал.

Мы разделились. Олег и я составляли десант. Остальные были обречены защищать двор и кровноного Вову, сидящего в подвале. Пришлось опустошить запасы каштанов. Я достал свою генеральскую палку, на которую неизвестно зачем крепилась пластмассовая гарда. Девочек отпустили, а малолетку отправили во вражеский лагерь с белым флагом и запиской такого содержания:

«Мальчик Вова у нас, трусишки! Приходите за ним, но лёгкой поживы не ждите. Будет битва».

После этого мы спрятались и стали выжидать. Стояла жара. В соседних дворах тоже воевали, и до нас доносилось постоянное «пых-пых» и «тру-ту-ту-ту-ту», периодически тонушее на фоне общего гвалта, но нам казалось, что вокруг тишина, и мы спрятаны в этой тишине, как в коконе.

Через полчаса на горизонте появился зарёванный малолетка. Достоевский бы замучился подсчитывать его слезинки. Он не искал нас, а шёл домой к маме, но мы не показывались из укрытий. Я был уверен, что за малолеткой следят. Так враги хотели выведать, где мы прячемся.

¹ В соавторстве с Алёной Чурбановой.

«Веди их, веди, – думал я, – прямо к маме веди, молодец». Но за ним никто не шёл. Враги оказались то ли глупее, то ли умнее нас. Скорее всего, глупее. Они не догадались проследить за малолеткой и сейчас, вероятно, готовились к наступлению.

– Они могут зайти с трёх сторон, – сказал я. – Пусть бойцы остаются, а группа десанта должна контролировать объездную дорогу.

Мы с Олегом вышли к дороге, ведущей мимо бани, и затаились в кустах. Небо было голубое, как дедушкины кальсоны, из бани торчала длинная труба, шёл дым, закручивался в водоворот и уносился к окрестным деревьям. Дорога пустовала. Минут десять мы напряжённо наблюдали за ней, а потом нас схватили. Враги появились неожиданно и совсем с другой стороны. Я размахивал своей деревяшкой, но её тут же отняли. Нас держали за руки и вели вглубь вражеского двора, за баню, мимо елей, мимо покосившейся двухэтажки, мимо проволоки с развевающимся на ней бельём.

По дороге нас допрашивала подруга Алины – Верка.

– Мелкий сказал нам, что ты – главный, – сообщила она мне. – Где Вову держите?

– А что вы к нему пристали?

– Ты знаешь, что он сделал? – спросила Верка негодуя.

Глаза-угольки этой сильной, гибкой девчонки горели страшным гневом.

– Ну, знаю, – ответил я.

– Сволочи вы, раз его защищаете!

– А чего ваши ему нос разбили, – вступился Олег. – Подумаешь, Алину поцеловал!

Может, она со всеми целуется.

– Сейчас получишь, сволочь! – закричала Верка.

Она подскочила и врезала Олегу в живот.

– Я с тобой ещё разберусь, – пообещал Олег, когда снова начал дышать.

– Говори, где Вова!

– Оставьте вы в покое этого Вову, – сказал я примирительно. – Может, он её любит.

– Раз любит, мог попросить по-человечески!

– Как попросить?

– Подойти и попросить: люблю, дескать, жить без тебя не могу. Алина захотела бы – сама бы его поцеловала.

В это мне не очень верилось. Мой собственный опыт общения с девочками был неутешительным.

– Как? – удивился я. – Просто так поцеловала бы?

– Почему нет?

– Значит, если я попрошу, ты меня поцелуешь? – спросил я.

– Тебя – нет!

– А его? – я показал на Олега.

Олег сильно отличался от меня. Я носил очки, он – нет. Я был блондин, он – брюнет. Я был спичка, он – коренаст.

– Его, может, и поцеловала бы, – вдруг сказала Верка. – Хочешь? – обратилась она к Олегу.

Олег весь аж скривился от отвращения. Он был младше меня на пару лет, и девочки его мало интересовали.

– Гадость какая! – крикнул он. – Не подходи, дура бешеная, а то плюну.

Но Верка приближалась, неумолимо, как статуя Командора. Олега скрутили. Он попытался плюнуть, но кто-то тут же заткнул ему рот рукавом. «Какой дурак! – думалось мне, – какой дурак этот Олег, его целуют, а он плюётся, вот идиот».

Верка зловеще чмокнула его в макушку и с выражением самодовольства от удавшейся мести приказала:

– Этого отпустить, а с этим, – она указала на меня, – мы сейчас разберёмся. Тащите его к Пушкину!

Я понял, что происходит что-то ужасное, непоправимое. Наверное, моя жизнь подошла к концу. Меня куда-то вели, а я от страха потерял связь с реальностью. Когда очнулся, стало ясно – мы спускаемся к речке. Я решил, что меня хотят утопить в грязной, вязко пахнущей воде, куда эфиромасличный завод годами спускал химические отходы. Речка Вонючка отделяла город от посёлка цыган. Из окон моей пятиэтажки можно было различить купола огромных домов-дворцов, которые выстраивали себе цыганские бароны. Нормальные цыгане живут в таборе, куда-то там кочуют, а наши осели за речкой и вели там свою непонятную отдельную жизнь. Так мне объясняли, а что творилось на самом деле – бог его знает.

Возле речки паслись овцы и стояли два пастуха. Один из них был мелкий пацанёнок в кэчуле, а второй – вылитый Александр Сергеевич Пушкин из портрета в учебнике.

– Эй, Пушкин, – крикнула Верка. – Мы тебе одного сморчка привели, разберись с ним.

Александр Сергеевич подошёл и схватил меня за шкуру. Это был кудрявый дылда-цыган с бакенбардами и огромными руками. В следующее мгновение я получил две затрещины. Так меня били в первый раз.

Знаете это ощущение, когда сначала – тупая боль, потом в голове звенит, и пол-лица с ухом, по которому треснули, внезапно отнимается. Я барахтался в его пятерне слишком активно – он дал мне ещё одну затрещину, чтобы я поменьше соображал, и поставил меня перед пацанёнком в шапке.

Очки улетели в траву, и всё дальнейшее я воспринимал сквозь близорукую дымку.

– Сейчас он тебя будет бить, – сказал мне Пушкин, расплываясь в этой дымке, – а ты стой смирно, руки по швам. Если тронешься, я тебе сам вмажу. Знаешь как? Локтем. Вот так, смотри.

Он приставил мне локоть к носу. Локоть цыгана был – как моя голова.

– Короче, тихо, а то потом будут мама с папой твой тру-пак из речки вылавливать.

Верка с ребятами уже уходила, покачиваясь пятнышком краски в неопределённом далеке. Её не интересовала моя дальнейшая судьба.

– Давай, бей его, – сказал Пушкин пацанёнку. – Бей, не бойся. Сначала в челюсть давай. Вот этими двумя костяшками.

Пушкин положил мне руку на плечо, чтобы я не сбежал. Пацанёнок размахнулся и, подпрыгнув, ударил меня в челюсть.

– Что за фигня, – сказал я Пушкину сквозь слёзы. – Я дам сдачи.

Цыган схватил меня за голову и поднял вверх, к своему обакенбарженному лицу.

– Чё ты, идиот, что ли, – сказал он мне. – Ещё раз пикнешь, убью нахрен.

Он поставил меня обратно и приказал пацанёнку стукнуть ещё раз, но теперь в солнечное сплетение. В течение следующих минут мальчонка, отбросив кэчуле, отработывал на мне различные удары руками и ногами. На небе собирались тучи и запахло электричеством.

– Ладно, – сказал наконец Пушкин, посмотрев вверх. – Вали домой. Ещё раз встречу – утоплю.

Я побрёл прочь. Всё тело отнималось. На полдороге началась гроза, и в подвал я вернулся мокрый, как цуцик, привалился к тёплой собаке и уснул. Бабушка и дедушка после грозы искали меня по всем соседям, но не могли найти. К вечеру я проснулся и отправился домой. Я был уже другим человеком. Совсем другим.

Дворовую красавицу Алину я встретил много лет спустя, и мы вспоминали ту памятную войну. Некоторое время я пытался за ней ухаживать. Как и все девчонки, Алина доверяла мне, словно подружке, а я использовал это, чтобы быть к ней поближе. Она рассказала страшную правду, которую не знала даже Верка. Мальчик Вова вовсе не собирался целовать Алину. Все было наоборот. Вову затащили в подъезд, связали руки, и Алина сама поцеловала его. Но поце-

луй оказался таким противным, а позор неминуемым, что даже Верке Алина поведала изменённую версию. Свидетели до смерти боялись покровителя Алины, цыгана по кличке Пушкин, а Вова стыдился этой истории и тоже не рассказал никому правду о ней.

Шли годы, и однажды я приехал в родной город тридцатилетним мужчиной. Дом не изменился, но высокого тополя-свечи, который рос с ним рядом, больше не было. В нашей квартире жила чужая женщина. На креслах и кроватях лежали её покрывала, на полу – её ковёр. В шкафу стояли её книги. Несколько часов я бродил по улицам – то улыбался, то плакал. Улицы пустовали. Большинство жителей отправилось на заработки в Москву. Когда приезжал мусорщик, на улицу, прихрамывая, выбредали пожилые люди. В городе обитало больше пенсионеров, чем детей. Никто не галдел, не бегал, не носился на велике. Не было даже бродячих собак.

«Бэби-бум» закончился.

Вверх и вниз

Мы рассматривали фотографию бананового дерева.

Бананы росли на нем не вверх, а вниз. Попками кверху.

– Этого не может быть, – сказал я. – Фотография перевернутая. Глянь, листья тоже растут вниз.

– Так они и должны расти вниз.

– Это почему ещё?

– Смотри, какие они большие. Тяжесть клонит их к земле.

– Я тоже тяжёлый, но почему-то всю жизнь расту вверх.

Я, действительно, всю жизнь рос вверх. В этом было что-то ненормальное. Я родился маленьким, как дынька, и стал увеличиваться в размерах. Между тем, все знакомые мне люди, наоборот, уменьшались. Я видел это собственными глазами. Моя прабабка Рахиль Самойловна, в просторечии баба Иля, была огромная, как великан. Я не мог достать ей до колена. Баба Иля всё время на всех обижалась, и ей требовалось утешение в форме поглаживаний по голове.

Но из-за небольших размеров моего тела меня пока не посылали утешать её. Она сама утешалась. До поры.

Потом они заметили, что я сделался в два раза выше за пару лет. Баба Иля за это время несколько уменьшилась. Если она садилась на табуретку, я мог подтянуться и достать до её волос.

Кухня у нас была в подвале, куда вёл длинный пролёт деревянной лестницы, как в каком-нибудь средневековом замке. За обедом баба Иля всегда устраивала скандал, когда с ней кто-нибудь был не согласен. Она страшно расстраивалась и шла наверх, в комнату прадеда, который к тому времени уже умер. Мне говорили:

– Иди наверх, утешь прабабушку.

Чтобы дойти до лестницы, надо было миновать тёмный коридор, заваленный чемоданами. Чемоданы пугали меня. Папа сказал мне, что в них живут волки. Я мог быстро пробежать мимо них, но вместо этого шёл медленно. Если быстро бежать, будет много шума, волки проснутся и бросятся вслед. Я прокрадывался мимо чемоданов с волками и поднимался по лестнице вверх. Прабабка сидела в комнате, уставленной книгами, и молча страдала. На меня она не смотрела. Я подходил к ней сзади, гладил по волосам и говорил:

– Не расстраивайся, всё будет хорошо.

В эти моменты я ее немножко ненавидел.

Еще через два года она уменьшилась сильнее, и мне не приходилось больше подтягиваться, чтобы достать её макушку, когда она сидела на стуле. В этом положении мы были примерно одного роста. Меня больше не посылали ее утешать. Я был слишком большой. Всех больших баба Иля автоматически причисляла к своим обидчикам. Она всё время уменьшалась. Папа с мамой тоже, но они развелись, и папу с бабой Илей я потерял из виду, когда мы уехали из дома в Кишинёве на Пушкина 15 обратно в Рышканы.

Когда я снова встретил папу, он был одного роста со мной.

Я спросил:

– Как там прабабка?

– Умерла. Совсем недавно. Как раз перед твоим приездом я похоронил её.

– Как она умерла?

– У меня на руках. В ванной комнате. В момент смерти я как раз мыл её.

Видимо, прабабка уменьшилась настолько, что её надо было мыть, как ребенка. Меня тоже мыли, когда я был маленький. Я не умел сам мыться. Потом перестали.

Через год папа стал меньше меня. Потом его положили в больницу со спиной. Ему вставили в позвоночник стальные штыри. Некоторые люди с возрастом начинают ломаться. Он как раз поссорился с женой, и ему некуда было идти. Впрочем, он не мог ходить. Он мог только лежать и немножко сидеть, пока не заживёт. Я забрал его домой, положил на кровать и покормил.

Вечером он сказал:

– Мои ноги плохо пахнут. Помой мне ноги.

Я понял, что когда не можешь ходить, тяжело мыться.

Я набрал воды в тазик и помыл папе ноги. Ему это очень понравилось.

– Молодец, сын, – похвалил он. – Знаешь, что говорил прадед?

– Что?

– Сын должен мыть отцу ноги, а потом выпивать эту воду.

Воду я пить не стал.

Кстати, я больше не расту. Может быть, начинаю уменьшаться.

Мушкетёры

В детстве я бредил мушкетёрами.

Однажды меня отправили в гости к папе, в Кишинёв.

У папы были бобины – предшественники кассет – и некое чудовищное записывающее устройство. Мы решили записать мюзикл собственного сочинения. Про мушкетёров.

Папа коллекционировал музыку на всех носителях. Сначала пластинки, потом бобины-кассеты-диски. Я застал эпоху бобин. Мне было, наверное, лет шесть. Папа показал мне бобину с записью скандала, устроенного моей прабабкой Рахиль Самойловной и дядей Мишей.

Из устройства раздалось какое-то рычание и звук ударов.

– Блеааа! – вопил Миша. – Уйди, или я себя убью!

– Я больше не могу! – кричала Рахиль Самойловна. – Будь ты проклят!

Миша остался жив.

Я был поражён до глубины души. Утром в автобусе я сочинил строчку первой песни будущего мюзикла про мушкетёров. Я потянул папу за рукав и спел ему:

– *Мы сегодня рано встали!*

– Кто это? – спросил папа.

– Это гасконцы! Они едут в Париж. Очень рано встали и скачут на конях.

– Что – всем колхозом?

– Нет, втроём.

– А дальше?

– Ну ты тоже должен придумывать.

– Я музыку придумаю. Тарарира... Турирара... Мы сегодня! Рано встали! Хм...

– *Раньше, чем встаёт петух!* – придумал я продолжение.

До сих пор я не писал никаких стихов, а, тем более, текстов песен, и столкнулся с проблемой: надо было найти осмысленную рифму к слову петух. «Мух-пух-плюх-старух».

Мне не нравилось.

– Папа, а свиньи тоже рано встают? – спросил я.

Я говорил довольно громко, так что несколько человек с недоуменной тревогой обернулись на меня.

– Ээээ... Не знаю. Наверное, тоже. Их будят петухи.

– Тогда так:

Мы сегодня рано встали,
Раньше, чем встаёт свинья!
Даже кушать мы не стали —
Джассо, Дикаро и я!

Папа слегка прифигел.

– Чего? Это кто?

– Это гасконцы. Их так зовут: Джассо, Дикаро и я. Они рано встали и скачут.

– А почему не жрамши?

– Чтобы пораньше отправиться в Париж и стать мушкетёрами.

– А кто такой «я»?

– «Я» – это д'Артаньян. Он первый прискакал.

Мы стали распевать на весь автобус. Папа даже замахнулся на второй куплет:

– Почему идём так скоро?

– На приём у короля! – объяснил я.

– Чтоб приняться в мушкетёры, ни минуты не медля, – закончил папа.

Сюжет быстро развивался. Глашатай сообщал, что король не стал принимать гасконцев – «мушкетёров из села он вообще не принимает», – потому что собирался в поездку к китайскому императору. «Он едет есть хлеб-соль». Становитесь, мол, как все, в очередь к де Тревилю.

Наутро мы стали писать мюзикл. Это было в старом домике на Пушкина, 15. Дом стоял в центре современного Кишинёва. Свернёшь в переулок у магазина «Штиинца» – а там наш дом. Можно сказать, дворянская усадьба. На холме, с двориком, садом и верандой.

В гости пришёл дядя Миша – тот самый, который через много лет сбежит из Израиля в Москву и будет комментировать ЖЖ поэта и литературного деятеля Дмитрия Кузьмина на предмет несоответствия актуальной поэзии уровню Бодлера. И мы с женой будем жить около полугода через стену с ним и его быстро меняющимися любовниками, потому что по Бодлеру и Рембо у дяди всё...

Миша играл гвардейцев кардинала. Почему-то они нагло пировали прямо у дома де Тревиля, а коварный кардинал разливал вино. Увидев д'Артаньяна, они кричали:

– Блеааа! Будь ты проклят, проклятый!

Я не знаю, почему была такая тавтология, но именно так они кричали в Мишином исполнении.

Д'Артаньян вызвал на дуэль сразу всех гвардейцев:

«Я вам назначу встречу
У Луврского дворца!
Я всех вас покалечу
И ранами отмечу!»

Гвардейцы, хором:
«Убьём мы подлеца!».

Переслушивая запись, я не понимаю, как выговаривал слово «луврского». Но как-то выговаривал.

Папа написал всю музыку. Кассета сохранилась, и, насколько я знаю, она принадлежит к немногим, редким проявлениям его, так сказать, творческого гения. В основном он музыку только коллекционировал и посвятил этому всю жизнь и все деньги. За это мама его и бросила. Начались территориальные тяжбы. Мама претендовала на какие-то квадратные метры или что-то в этом роде. Дом, где раньше жили прабабка, бабушка, папа, мама, дядя Миша и я, поменяли на несколько квартир. И дома на Пушкина, 15 не стало. Его снесли... Потом все эмигрировали. Кто куда – кто в Германию, кто в Израиль, кто в Москву, а иные и на тот свет.

Жизнь и смерть

В детстве я рос вместе с дядей Мишей, толстым и грустным еврейским мальчиком. Он был старше на семь лет. Миша немного обиделся, когда я родился, так как он перестал быть единственным ребёнком.

– Твоя мама должна моему брату миллион рублей! – заявил Миша, когда я стал понимать по-человечески.

Я долго ходил с этим знанием, думал, как буду возвращать долг. Можно было, например, устроить торговлю жвачками, которыми меня бесплатно пичкала воспитательница в детском саду. Но дело такое...

– Ты давал маме миллион рублей? – спросил я папу.

Папа молчал.

Смысл Мишиного заявления я понял лет через 15: считалось, что папино семейство оказало моей маме большую услугу, вытащив её из Рышкан в Кишинёв. Из прозябающего посёлка в процветающую столицу. Из грязи в князи. За это Миша и насчитал ей миллион рублей.

В Кишинёве мы со всеми бабками и прабабками жили в огромном частном доме на Пушкина, 15. Миша был добрым ребёнком, собирал со всей округи кошек и притаскивал в дом, так что ногу некуда было поставить, чтобы не наступить на кошку. Миша был очень упрям. Как-то его потащили на майскую демонстрацию. Миша сел на пол и заявил:

– Мне нужен ящик газировки!

– Никакой газировки! – ответила баба Иля, железная леди, бывшая балерина и управляющая банком. – Мы не станем таскать с собой на демонстрацию целый ящик газировки!

– Тогда идите к чёртовой матери! Мне нужна моя газировка.

Мишу было не сломить. У великолепной бабы Или в банке был даже свой пистолет. Но с Мишей она ничего поделать не могла. Он забился в угол, забаррикадировался кошками и кричал как резаный.

– Уйдите, сволочи!

В доме шёл беспрерывный скандал, переходящий в драку: бабка ссорилась с прабабкой, мама с папой, кошки друг с другом – и так бесконечно во всех сочетаниях и вариациях. В этой атмосфере психбольницы мы с Мишей находились практически с рождения.

Когда все уставали кричать, то спускались в подвал, где была кухня, и судорожно пожирали бесконечные борщи бабы Или. По праздникам в меню был знаменитый на весь Кишинёв торт «Дуб» с 100 грецкими орехами, рецепт которого сейчас безвозвратно утерян.

Миша рос без отца. Его папа завёл множество детей от разных женщин, которых он бросал, скажем так, сразу после оплодотворения.

Со мной у Миши был постоянный детский конфликт. Он считал, что его никто не любит. А вот меня – да. Это чувство он пронёс через всю жизнь и буквально на днях внезапно умер при загадочных обстоятельствах в возрасте 43 лет.

Я отправился хоронить Мишу. Нужно было подъехать в морг на улице Приорова. Мы встретились с папой на Войковской и пошли искать морг. Папа молчал, переживая смерть брата.

– Отчего он умер? – спросил я.

– От насморка.

– Как это?

– А так. У тебя есть насморк? У меня тоже. Страшная вещь, оказывается. Миша высморкался, и у него оторвался тромб. «Причина смерти – осложнения от синусита». У Сани спросишь.

Саней звали последнего Мишиного сожителя. Тут надо пояснить. В 90-е годы Миша пошёл в школу раввинов, научился молиться на иврите и уехал в Израиль. Там он прожил много лет, работал сначала в кибуце «на должности сборщика чеснока», потом закончил в Тель-Авиве университет. У него родился сын. Но с Мишей ужиться было трудно. Мише нужна была безусловная, всепрощающая материнская любовь. Женщины его бросали. В какой-то момент Миша обнаружил свою бисексуальность. Сам он объяснял это так:

– Мне всё равно, что там у человека между ног. Я же не животное. Если меня любят, если я полюбил... Это всё. Для меня больше ничего не имеет значения.

Согласно легенде, Миша давно подумывал об эмиграции в Москву и даже предварительно написал письмо Путину, причём получил ответ из администрации президента, дескать, приезжайте, хорошие специалисты нам нужны.

Это было очень типично для Миши, легко поддававшего под обаяние личного мифа. Ещё в Кишинёве, после развала СССР, он приволок из школы огромный бюст Ленина. Как дотащил – непонятно. Бюст он поставил посреди комнаты.

– Мне не нравится, что они издеваются над Лениным. Нельзя сначала поклоняться кому-то, а потом в одночасье менять своё мнение.

Миша хранил письмо Путина и однажды неожиданно приехал в Россию. Но сделал это очень оригинальным образом. Израильский любовник Миши устроил в доме поджог на почве ревности. Тогда Миша взял вину на себя и бежал в Москву от израильского суда.

В Москве он все годы жил безо всякой регистрации. Когда я приехал из Германии, будучи гражданином Молдовы, я сначала повторил его судьбу и стал немецко-молдавским нелегалом. Так, двумя бродягами, мы встретились с Мишей спустя десяток лет после общего кишинёвского детства, закончившегося с разводом моих родителей. Самое странное в Мише был его запах: он пах так же, как много лет назад в давно снесённом доме на Пушкино, 15 – кошками и почему-то чернилами.

Дядя поселился в Медведково вместе со своим новым мужчиной, с которым познакомился на почве любви к сонетам Шекспира. Это был обаятельный блондин по имени Макс, единственный минус которого заключался в том, что он хотел Мише добра и пытался заставить его легализоваться.

Скепсис Миши был мне понятен. Сам я чудовищными усилиями добивался российского гражданства, и в итоге сумел это сделать спустя 5 лет буквально чудом, благодаря вмешательству лиц и сил, скажем так, высшего характера.

Миша ничего такого не предпринимал и непрерывно жил в страхе перед депортацией. В ответ на требования своего возлюбленного сходить в израильское посольство, Миша распечатал надпись «Посольство» и приклеил на дверь туалета в Медведково.

Эти обстоятельства я застал, когда меня выгнала из дома первая жена, и вполне заслуженно: за измену. Я приехал к папе, и папа решил подселить меня к Мише с Максом.

Это была особая квартира. Одну комнату снимал Миша, а в другой папа хранил коллекцию виниловых пластинок, занимавшую всю стену от пола до потолка. А вдоль противоположной стены стоял стеллаж с книгами. Оставалось место лишь для матраса на полу.

– Я позвонил Мише... Он тебя боится, – сообщил папа.

– Почему?

– Он считает, что ты не поймёшь его жизнь. Тебе будет там психологически некомфортно. Дело в том, что Миша, как бы это сказать... Любит мужчин.

Но мне было всё равно. С Максом мы прекрасно ладили. Я жил в отдельной комнате, запирали её на ключ и даже несколько раз водил туда девушек. С одной из них у меня была большая разница в возрасте. Миша с Максом в шутку приклеили мне на дверь изображение фавна, совращающего крестьянку. Второй была моя соавторша и будущая жена Алёна. Мы писали тогда рассказы вместе.

Помню, как утром мы с Алёной пришли на кухню – от ночи, проведённой на узком матрасе, у нас болело буквально всё – и застали там одинокого Мишу, совершенно потерянного и смотрящего как бы в одну точку. Макс ушёл.

Мы с Алёной тоже бросили Мишу и сняли вместе комнату у прозаика Олега Дарка. Однако через полгода Миша позвонил по Скайпу. Он был осунувшийся и какой-то посиневший, как от холода. Разговаривал с трудом, глотая слова.

– Женья, мне очень плохо. Очень плохо. Я думаю о конце. Я хочу уйти.

– Что я могу сделать?

– Не знаю. Мне нужны люди, мне нужно кого-то видеть.

Вернитесь с Алёной в Медведково.

– Там слишком тесно. Я больше не один. Я не потащу Алёну в эту комнатку.

– Я перееду в комнатку. Пожалуйста, повлияй на Алёну.

Мы заняли комнату, где раньше жили Миша с Максом, а дядя унаследовал мой матрас между двумя шкапами. Поначалу Миша был хорошим соседом. Он варил какие-то монструозные, но вкусные супы, которыми всех угощал: он всегда наполнял тарелку до самого края и нёс в нашу комнату, так что за ним из кухни тянулся тонкий след от пролитого супа. По вечерам мы курили и говорили о литературе. Миша тоже баловался стихами, хотя современную поэзию, о существовании которой он узнал от меня, терпеть не мог. Зато ему нравился некий Сергей Калугин, солист группы «Оргия праведников».

На этой почве у нас опять разгорелся нешуточный конфликт. Мало того, что я требовал от Миши убираться в квартире, – особенно раздражали фенозепамные ночные гости, которые не снимая обуви брели на кухню, – но я ещё и раскритиковал стихи его гуру. Калугина Миша сравнивал с Шекспиром.

– Он духовно прозрел! – говорил Миша.

– Ну кто у нас не прозрел.

– Вот ты вряд ли. В этом твоя ошибка, – Миша говорил с грустью и состраданием.

– А ты – тоже прозрел?

– Я повидал многое. Я много раз выходил в астрал. И не только. Однажды кое-что произошло прямо в этой квартире. Огромное синее лицо заглядывало в окно со стороны балкона. Я знал, что должен спросить его о чём-то. Это было наяву. Я видел его так же, как вижу тебя.

– Что ты у него спросил?

– Это личное. Я не могу назвать вопрос. Но лицо ответило: «Любовь».

Мы бы так и жили, но Миша, несмотря на обещания, проявил полную неспособность соблюдать какие-то совершенно обычные правила общежития. Однажды ночью на него в очередной раз накатил приступ отчаяния и презрения к жизни – и он включил на полную громкость песню из репертуара «Оргии праведников». Мы с Алёной терпели многое, включая гей-клуб в соседней комнате, но ночью нам надо было спать. И поскольку это происходило не впервые, и я чувствовал своё полное бессилие, я начал стучать в его дверь и угрожать.

– Выключи это своё эзотерическое говно! Мы спим!

– Сергей Калугин – великий поэт! – крикнул Миша.

– Мне срать, что он великий! Я сплю!

Миша больше не отзывался.

– Я зову милицию! – заорал я. – Я сейчас позвоню в ФМС!

Поскольку Миша боялся депортации, этот аргумент сработал. Но Миша был смертельно оскорблён.

Через несколько дней он ушёл из Медведково и стал жить с неким Саней. С нами он прекратил всякое общение, и я ничего не знал о его жизни вплоть до сегодняшних похорон.

Мы с папой пришли в морг. Здесь уже были Саня, Антон (Мишин брат по отцу) и мужичок с Мишиной работы (Миша работал нелегально). Больше никого. Миша жил как будто вне каких-то социальных связей.

Я задумался, придут ли московские литераторы хоронить меня, когда я умру. И сколько их придёт. Скорее всего, не больше, чем на средний литературный вечер. Да и чего ходить-то. Плохо знали этого Никитина, да и был он какой-то бука. Человек 5 в лучшем случае. Будет ли говорить тосты Файзов?

– Я привёз рубашку, – сказал папа.

– Какую рубашку?

– Для Миши. Мне позвонили вчера из морга и говорят:

«У вашего трупа рубашки нет».

Папа вытащил из портфеля рубашку.

Мы собрались пойти внутрь, одевать рубашку на Мишу. Но там кого-то отпевали.

– Мишу что, тоже будут отпевать?

– Да.

– Зачем? Он же учился на раввина.

– Так надо, – сказал Мишин второй брат, Антон.

– Миша носил крест, – добавил кто-то.

Я догадался, что крест Миша надел тоже из-за «Оргии праведников» и их православно-монархического лидера.

Несмотря на то, что Миша за эти годы непонятно как сумел с ним познакомиться и войти в круг его друзей, на похороны Калугин не явился.

– Как он умер? – спросил я Саню.

– Он умер во сне. Я вышел в другую комнату посмотреть кино, пока Миша укладывался спать. Помню, ещё спросил его: «Хочешь, принесу тебе бульончика?». Миша ответил: «Я больше ничего не хочу». Что-то там храпел, сморкался. Потом стало тихо. Я пришёл – пульс не прощупывается.

– Может, это последствия радиации? – спросил папа.

– Какой ещё радиации?

– А такой. Знаете, что Миша пережил радиоактивное отравление? Я даже книги его потом выбросил. Может, он листал их радиоактивными пальцами. Я боялся, что они фонят.

Такая история, действительно, была. Ещё в Кишинёве Миша увлёкся химией и стал коллекционировать элементы таблицы Менделеева. В подвале он сделал целый склад разных реагентов. Он даже достал в местном институте радий. Как-то в процессе экспериментаторства Миша получил странный ожог и отправился к врачу. История вскрылась, в дом пришли с проверкой, а потом вдруг хлынули журналисты. Один журналист спросил Мишу:

– С какой целью ты собрал дома целый склад химических элементов?

– Хочу сделать атомную бомбу! – пошутил Миша.

Это было зря. Ответ напечатали в газетах. «Подросток готовил уничтожение Кишинёва». «Чернобыль в центре города».

Наконец нас пустили к Мише. Он был, слава Богу, уже одет. Я-то уже представлял себе, как мы будем натягивать на холодного, каменного Мишу папину рубашку. Антон – держать голову, я – подпирать спину. Папа бы натягивал рубашку. Саня бы плакал.

Саня и без этого плакал какими-то судорожными приступами. Все остальные стояли как вкопанные и с растерянностью смотрели на замершее лицо Миши. Я заметил его седые волосы. Я их не помнил. Я видел Мишу первый раз после его ухода из Медведково 6 лет назад.

Лицо его было неправильным. То, что по-немецки называется *entstellt*. Черты человека смещаются и становятся одновременно знакомыми и незнакомыми.

– Сейчас мы будем отпевать покойного, чтобы ему простились все грехи, – сказала сотрудница морга.

– Миша был праведником, – сообщил папа.

Вошёл поп. Мишу отпели. Кто-то крестился. Потом мы по очереди коснулись его лба. Фактически это было как дотронуться до выключенного холодильника. Но рука-то ожидает встретить лоб и обманывается. Там холод.

Гроб стали закрывать. Я понял, что больше не увижу Мишу никогда.

Мы сели с гробом в автобус и куда-то поехали.

– Куда мы едем?

– В крематорий.

– Почему?

– Миша не хотел, чтобы его ели черви.

Ехали молча.

– Ты знаешь, где Мишины стихи? – вдруг спросил меня папа.

– Нет, откуда. Наверное, Саня их хранит.

– Что такое? – спросил Саня.

– Стихи. Они у тебя?

– Он мне их не показывал, – сказал Саня.

В крематории было множество народу. Они стояли в очереди в какие-то окошки. Хотелось есть.

Надо было выбрать урну и встать в очередь. Саня курил на улице. Заметив его отсутствие, папа вдруг спросил Антона:

– Как ты относишься к пидорам?

– Плохо, – сказал Антон. – Знать о них ничего не хочу.

– Но Миша же был пидор.

– Тут у меня все просто, – объяснил Антон. – Он мой брат. Значит всё.

– А я считаю, они лучше нас, – объявил папа. – Миша был лучше нас, но его никто не понимал. Я тоже. Поэтому он умер. На мне огромная вина.

Мы стали хлопать папу по плечам и говорить, что вины нет.

– Я пытался ему помочь, но он отвергал всякую помощь. И в какой-то момент у меня опустились руки.

Папа помолчал и добавил:

– Теперь, если будет митинг пидоров, я тоже пойду.

Мы дошли до окошка. Папа сунул туда какие-то документы.

– Вам в первый зал, – сказала тётенька в окошке.

Мы пошли в первый зал. Сотрудники крематория внесли гроб с Мишей. Зазвучала органная музыка. В полу распахнулись створки, и гроб стал уезжать куда-то вниз.

Потом створки сомкнулись, и мы остались одни.

Король солнца

Когда-то давно – я уже толком не помню, когда это было – я жил в просторной комнате с пианино, в котором обитала обезьяна-людоед. Я никогда её не видел, потому что она вылезала по ночам, когда я спал, и шла на охоту.

В соседней комнате был папин кабинет. Папа сидел там и слушал классическую музыку. Обычно я не трогал его, пусть себе живёт как живёт. Но в один прекрасный день я решил постучаться и посмотреть на него. Я набрался храбрости и заглянул внутрь.

Комнатка оказалась пыльная и темноватая. Темноватая, наверное, потому что был уже вечер, а пыльная, потому что пыль скопилась за день, и папа ещё не успел её вытереть. На столе стояла лампа и светилась, как волшебный фонарь, а тень папы металась по стене. Папа оказался тощим небритым человеком в какой-то рваной пижаме. Он подпрыгивал с закрытыми глазами и размахивал руками в такт музыке с выражением крайнего страдания на лице. Музыка была какая-то тяжёлая и давящая. Мне захотелось плакать. Папа разлепил один глаз и, увидев меня, спросил:

– Нравится?

– Нет.

– Тебе не нравится Вагнер?! Ты просто ещё маленький. Я действительно был маленький. Но это только ростом.

А внутри я был старенький. Я не знал, сколько мне точно лет, но предполагал, что очень много. Это доказывалось тем, что я уже не помнил свою молодость. Я вообще мог вспомнить примерно года два своей жизни, дальше всё погружалось в туман. Мне давали лет пять, но я знал, что они ошибаются. Нельзя судить по внешнему виду. Думаю, мне было не меньше тысячи лет. Некоторые люди чувствовали это и очень уважали меня. Например, тётенька из соседнего дома. Она постоянно вывешивала бельё во дворе, и когда я выходил из дома, начинала со мной советоваться.

Поэтому я обиделся на папу и ушёл из его комнаты. Конечно, глупо было на него обижаться. Его надо было воспитывать, приучать к цивилизации, но я не знал, как найти к нему подход. В сущности, он был совершенно дикий.

На следующий день я вечером подошёл к его двери и послушал. Мне не хотелось заходить, если там будет опять этот Вагнер. Но из-под двери доносился не Вагнер, а какая-то мягкая торжественная музыка. Я зашёл. Папа медленно и очень церемонно расхаживал по комнате. Увидев меня, он поклонился, и я понял, что папа небезнадёжен, и, наверное, постепенно научится вести себя со мной подобающим образом.

– Это что за музыка? – спросил я.

– Это Люлли, – сказал папа. – Он писал музыку при дворе Короля-солнце.

Тут меня словно торкнуло. Я понял, что забыл кое-что. Я лёг спать и всю ночь вспоминал во сне солнце. Белое сияние разливалось по огромному дворцу. Я сидел на высоком троне, высеченном из белого камня, добываемого на рудниках из глубин Солнца. Я жил почти один, если не считать мою обезьяну, привезённую с далёких островов. У меня была длинная белая борода, она ниспадала по ступеням и стелилась по залу до самого входа наподобие коврика. Наутро я проснулся и всё понял. Стало ясно, почему меня не трогала обезьяна-людоед, которая жила в пианино. Это была моя обезьяна. Я привёз её с Солнца и поселил в пианино, чтобы её не поймали. Бедная обезьянка! Тяжело ей приходилось. Но нельзя же было оставлять её одну на Солнце. Она умерла бы с голоду, потому что она была людоед. Теперь я знал, почему выгляжу моложе своих лет. Я просто сбрил свою огромную бороду, когда спустился с Солнца. Я сделал это специально, чтобы меня не узнали. Я был здесь инкогнито. Я скрывался от своего врага, который хотел захватить Солнце. Его звали Вагнер.

Я вышел во двор. Соседка как раз чистила ковёр. В землю во дворе были вбиты железные столбики, а между ним натянута проволока. Все соседи вешали на неё бельё или ковры, которые надо было выбивать, чтобы избавиться от пыли.

– Женечка! – обрадовалась соседка. – Привет, дорогой! Ты не знаешь, как лучше выбивать ковёр? Я вот всё бью-бью, а ничего толком не получается. Только рука устаёт.

– Я вам покажу, – сказал я. – Дайте сюда лопатку. У нас на Солнце ковры выбивали так.

Я показал ей, как надо стучать по ковру. Стучать надо круговыми движениями, стоя боком к ковру. Тогда и шлепки получаются сильнее, и рука меньше устаёт. А соседка делала всё, как дура. Она становилась лицом к ковру и стучала по нему, как будто хотела забить гвоздь.

– Откуда ты только так много знаешь? – удивилась соседка.

– Это с Солнца, – объяснил я. – У нас на Солнце я никому не доверял выбивать ковры.

Всё сам выбивал.

– На Со-олнце... – ещё больше удивилась соседка. – На каком Солнце?

– На этом, на каком же ещё, – ответил я и ткнул пальцем в небо. – Другого ж нет.

– А что ты там делал, на солнышке-то?

– Ну что делал... что делал... Ковры выбивал, например. А так почти ничего не делал.

Отдыхал.

– Отдыха-ал, – протянула соседка. – Это хорошо. Я бы тоже хотела там пожить. Отдохнуть немного. А то, знаешь, заработалась совсем.

– А что, Ольга Васильевна, – сказал я. – Можно и отдохнуть. Надо вас взять с собой на Солнце.

– Надо, Женечка, ох, надо! Возьми меня с собой. А то этот Кишинёв у меня в печёнках уже. Ужас, как надоел. Там, на солнце, не надо работать?

– Нет, там работать не надо. Только играть. Или музыку сочинять.

– Это как при коммунизме, что ли?

Я не знал, что такое «коммунизм», поэтому неопределённо кивнул.

– А откуда тогда всё берётся? – спросила Ольга Васильевна.

– Что берётся?

– Ну еда, например.

– Из волшебной палочки. У меня там есть такая палочка... Как эта лопатка, только тоненькая. С нею всё можно сделать, надо только пожелать.

– Уж я пожелаю, если надо! – сказала Ольга Васильевна.

Я глубоко вздохнул. Давненько не бывал я на Солнце. Я стал думать, как там мой дворец. И старый Люлли... Наверное, он стал ещё более седой с тех пор, как я прилетел на Землю. Я оставил его присматривать за дворцом. Он был слишком старенький, даже старше меня, и вряд ли выдержал бы такое путешествие.

Ольга Васильевна запомнила этот разговор и теперь при встрече каждый раз спрашивала, когда мы полетим на Солнце. Я не знал ответа на этот вопрос, потому что без волшебной палочки был совершенно бессилён. А палочку у меня украл Вагнер. Это и было причиной, почему мне приходилось скрываться на Земле. Оставалось только ждать. Когда я улетал, я попросил Люлли прислать за мной космический корабль, когда Вагнер прекратит мои поиски. Тогда я вернусь на корабле и сделаю Вагнеру сюрприз. Ну погоди, Вагнер! Ты ещё у меня попляшешь.

Тут я понял, что надо собирать армию. Возвращаться на Солнце в одиночку было бы безумием. Надо подготовиться и взять с собой как можно больше верных мне людей.

Ольга Васильевна подвернулась тут как нельзя более кстати. Она всему двору разболтала про Солнце, и всё спрашивали меня, когда можно будет наконец улететь из этой ужасной страны.

Особенно интересовались два дядьки по имени Фима и Марик. Они обычно играли в шахматы во дворе или ели огурцы с водкой. Они подробно расспросили меня о жизни на Солнце, и Марик сообщил, что ему это нравится и «по крайней мере лучше, чем в каком-нибудь Биробиджане». По его мнению следовало собрать всех «с пожитками» (он так и сказал) и отправить на Солнце. Фима согласился с ним и дал мне огурец.

Наконец, я решил, что надо составить список. Я взял тетрадку и стал записывать тех, кто хотел отправиться со мной. Получилось целых десять человек и ещё два. Я всем велел иногда посматривать на небо, и если там появится корабль, сразу доложить мне.

Однажды я понял, что, увлекшись приготовлениями к отлёту, я совершенно забыл про папу. Я даже не догадался подсунуть ему под дверь половину фиминового огурца. Мне стало стыдно. Я вообще не знал, что там с папой происходит. Мне пришло в голову, что глупая обезьянка из пианино могла ненароком сожрать его. Я бросился в его комнату.

Слава богу, папа был на месте. Он сидел на диване и занимался своим обычным делом. На его лице было мечтательное выражение.

– А, привет, — сказал он. — Заходи. Я тут Баха поставил. Я попросил его выслушать меня и рассказал о своём плане. Я объяснил, что на Солнце ему будет хорошо, потому что он с Люлли быстро найдёт общий язык на тему музыки, ну, и Вагнер тоже захочет познакомиться с папой – разумеется, сначала надо будет отнять волшебную палочку, а потом уже можно и поговорить, как люди.

– Полетели со мной на Солнце, – закончил я свой рассказ.

– Эх, Женя, Женя... – сказал папа. – Солнце – это звезда, а не планета. Это раскалённый газовый шар. Там не может быть никакой жизни.

Я пытался переубедить папу, но безуспешно. Он был уверен в своей правоте и вообще говорил со мной как с ребёнком.

В течение следующих дней я не реагировал на вопросы соседей о Солнце. Мне не хотелось их разочаровывать, и я ждал, пока они всё забудут. Ничего нельзя было поделать. Весь план пришлось отменить. Я решил никуда не улетать. Я не мог бросить папу одного.

Гриша

В моём первом отчине было много замечательного. Чёрная борода метлой, глубоко посаженные глаза и голос, звучный и страшный, особенно, когда Гриша лаял. На самом деле он ругался, а казалось, что это низкий, хриплый лай. Все его боялись, думали, Гриша – цыган и дерётся, как сумасшедший. Он любил смотреть на себя в зеркало и делать угрожающее лицо. С таким лицом можно быть только «крутым», а шёл, на минуточку, девяносто первый год. Он завёл собаку, похожую на себя, немецкую овчарку, и назвал её «Пират». Собака всех тоже очень пугала. Она была какая-то полоумная и без намордника. Гришу она тоже пугала. Поэтому, когда он переехал в Ставрополь, спасаясь от кредиторов, то посадил её на цепь в туалете, а сам писал в раковину. «По-большому» выходил во двор и гадил под кустиком, потом выносил лопату и закапывал. Дом стоял у леса и принадлежал Гришиному брату. Но там никто не жил.

Свою мать Гриша поселил с нами. Она была старенькая и не двигалась. Я читал ей каждый день по главе из новеллизации сериала «Рабыня Изаура». Так она засыпала.

Однажды я пришёл домой и узнал, что мама Гриши умерла. Мне положили на тарелку картофельного пюре. Гриша сел напротив и смотрел на моё лицо – жалею я о его матери или нет. Поэтому, когда я подносил ложку ко рту, я останавливался и тяжело вздыхал, чтобы было видно, что мне грустно. Потом я догадался, что это выглядит странно, когда я вздыхаю на каждой ложке, и начал вздыхать через раз. Гриша сказал моей маме:

– У тебя сын вообще без души. У него глаза даже не красные. Если ремня дать, будет плакать за милую душу. А тут хоть бы хны. Человек умер, а ему насрать.

Мама промолчала, потому что когда у мужа умирает мать, не надо его лишний раз нервировать.

– Что, сука, молчишь? – залаял Гриша. – Думаешь, я не помню, как ты для моей мамы мяса пожалела? Своему-то выродку мяса положила! Я всё помню.

Он схватил лопату, хлопнул дверью и пошёл во двор. Я решил, что когда вырасту, я его убью.

Гриша занимался, как все, бизнесом. Он занял деньги у Рубена и понаставил в Ставрополе небольшие киоски с жвачками. Фирму он назвал в честь моей мамы – «Альбина». Это было написано на каждом киоске. Мы очень гордились. На остаток денег Рубена Гриша купил магнитофон с цветомузыкой. Он принёс его поздно вечером, поставил в гостиной, выключил свет и позвал мою маму смотреть. У него было счастливое лицо. Они сели на диван и стали смотреть, а я подглядывал из коридора. У магнитофона сверху торчала палка, а на неё был насажен красный крутящийся шар. Он вращался и светился под музыку, из-за чего по стенам бегали красные солнечные зайчики, только не солнечные, а какие-то кровавые. Музыка была тоже некрасивая и от неё всё тряслось. Овчарка начала лаять из-за этого, но музыка её заглушала. Я подумал, что это похоже на ад.

С фирмой «Альбина» что-то не ладилось, Гриша даже перестал ездить на такси и покупать баранину, которую он любил резать ломтиками и кушать с чаем. Между тем пора было отдать Рубену деньги, поэтому Гриша занял денег у Бориса и отдал Рубену. Борис был ещё хуже Рубена, он даже не хотел подождать. Надо было скрыться. Гриша сбрил бороду и попросил соседа присмотреть за овчаркой. Туалетная постройка, в которой она жила, находилась за забором, у леса. Собаке надо было подкидывать куски мяса через щель в заборе, а гуляла она сама на своей длинной цепи. Мы взяли немного вещей и пошли на вокзал.

– Вы езжайте домой в Молдавию, а я поеду в другую сторону, – сказал Гриша на вокзале. Вид у него был растерянный. Без бороды он не казался страшным. Нижняя челюсть у него была маленькая, глазки тоже маленькие и грустные. Больше всего он напоминал какого-то еврейского портного или парикмахера. Какой-то низенький, худой. Стало ясно, что кричал он

на всех из трусости, а если его стукнуть, он попытается куда-нибудь убежать. Из лица человека многое можно понять, даже если тебе десять лет.

Гриша обнял маму, я поцеловал его в щёку. Тогда он сел в другой поезд, и больше я его никогда не видел. Мы поехали домой в Молдавию, и мама снова вышла замуж.

Время от времени до нас доносились какие-то слухи о Грише, от одной общей знакомой, которой иногда звонил Гришин брат. То Гриша бежал в Израиль. То он живёт в Германии. Наконец прошёл слух, что якобы Борис всё-таки нашёл его и убил, а Гришин брат считает виноватой мою мать. Когда Гриша стал с ней жить, у него начались неприятности. Бизнес не ладился, настроение было плохое. Не был он счастлив с моей мамой, в общем. Потому что она его не любила. Так считал Гришин брат.

Однако через много лет, когда я приехал в Москву, как-то мне позвонил папа и сказал, что видел Гришу на Белорусском вокзале, на перроне. Папа хотел было подойти к нему, но что-то остановило. Гриша был задумчивый и смотрел на уходящие вдаль рельсы.

Марина

Уже в детстве я постоянно болезненно влюблялся: сначала в маму, потом в куклу Зину, потом в плюшевого тигра. Наконец дело дошло до людей. Я определённо помню, что её звали Марина. Я встретил её в гостях у друзей моего отчима, в Кишинёве. Нас посадили ужинать за отдельный столик для детей, и я сообщил Марине о своих чувствах.

– И что теперь? Ты будешь лежать на мне голеньким? – спросила Марина с непонятым сарказмом.

Я немного поразмыслил.

– Ну... Если ты не настаиваешь на подобной процедуре, то я вижу множество веских причин её избежать.

Я так изъяснялся, потому что читал много книжек, а беседовать мне приходилось, в основном, самому с собой.

Спустя месяц мама повела меня в гости к Марине, потому что та что-то себе растянула или сломала и лежала дома. Я настоял, чтобы мы купили цветы, и выбрал белые розы.

Марина лежала в кровати с очень строгим выражением лица.

– Белый – это холодный цвет. Цвет разлуки и смерти, – сообщила она, проинспектировав мои розы.

– Нет, это цвет любви.

Марина скептически покачала головой.

– Белые розы... Видимо, мы не сможем быть вместе.

Я хотел возразить, но тут вошёл её папа с моей мамой. Они вроде как обменивались соображениями о физическом воспитании детей. Маринин папа настаивал, чтобы я подтянулся на перекладине.

В следующее мгновение меня подвесили к перекладине. Я точно знал из опыта, что не могу подтянуться ни разу.

И тут я испытал то, что, безусловно, можно назвать чудом любви. Я не мог опозориться перед Мариной, и случилось невозможное: воспоминание об этом до сих пор повергает меня в ступор. Я каким-то невероятным образом напрягся и подтянулся целых три раза.

Папа Марины сообщил, что физически я нахожусь в пределах нормы, что было полной херней. Вплоть до 18 лет, когда я сам собой немного окреп, мне ни разу не удалось повторить тот неожиданный подвиг.

Марину я больше никогда не видел. Мне рассказали потом, что она умерла от лейкемии.

Поверьте, это не гнусный литературный приём, – просто так всё и было. К сожалению.

Переезды

Однажды мы с мамой и кошкой Машей оказались без крыши над головой, и нас приютили бабушка с дедушкой. Мы жили впятером – бабушка, дедушка, мама, я и кошка Маша.

Жаловаться не на что – было весело. Зимой нам по полдня отключали свет, мы зажигали свечку, садились в кружочек и играли в «балду».

Так продолжалось довольно долго, пока соседи по лестничной клетке не уехали на Север, оставив нам ключи от своей квартиры с просьбой за ней присмотреть. Сейчас такое трудно себе представить, но тогда люди были проще и доверчивее.

Мы переселились в чужую квартиру и ходили друг к другу в гости. Бабушка с дедушкой ходили в гости к нам, а мы – к ним. Кошка Маша выбрала двойное гражданство. Если ей хотелось провести с нами время, она скреблась в дверь, чтобы бабушка её выпустила. Оказавшись снаружи, кошка Маша пересекала лестничную клетку и скреблась в нашу дверь, чтобы мы с мамой её впустили.

Однажды кошка Маша родила. Она забралась внутрь бабушкиного дивана, где была полость, и произвела на свет семерых котят.

Любовь к нам с мамой не оставила её и тогда. Пожив с котятками у бабушки, кошка Маша в один прекрасный день перетащила всех котят, одного за другим, из бабушкиной квартиры в нашу. Она хватала котёнка зубами за шиворот, скреблась в дверь, пересекала лестничную клетку, скреблась в другую дверь, забиралась под кровать и шла за следующим ребёнком. Так она эмигрировала со всей семьёй, кроме бабушки с дедушкой, в нашу квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.